

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...

Всего месяц и три дня не дожил **Игорь Федорович Бэлза** до круглой даты — 90-летия со дня рождения. Уже много сказано и написано об этом крупнейшем ученом и общественном деятеле, композиторе, литераторе, педагоге, оставившем после себя бесценный клад — исследования о культуре. Клад огромный, необъятный — как и сама личность Игоря Бэлзы, отмеченная высшим даром, в котором соединились талант художника, самозабвенное жертвенное трудолюбие, духовная чистота и мудрость, способность видеть в простом факте явление, а также умение поведать об этом людям.

Среди работ Игоря Федоровича о величайшем русском поэте есть статья «Универсализм Пушкина». Именно слово «универсализм» более всего, пожалуй, подходит для характеристики самого профессора Бэлзы — вдохновенного романтика-слависта.

Даже простое перечисление тем, проанализированных им, поражает разносторонностью и неохватностью: «Вклад славянских народов в мировую культуру», «Русские классики и музыкальная культура западного славянства», «История польской музыкальной культуры», «История чешской музыкальной культуры», «О музыкантах XX века», «Исторические судьбы романтизма и музыки»...

Огромен цикл его монографических работ о мастерах музыки: Глинка, Бородин, Скриabin, Рахманинов, Танеев, Глиэр, Мясковский, Шебалин. И тут же — Моцарт, Лист, Бетховен, Верди, Равель, Дебюсси, Сибелиус; польская и чешская линии — Шопен, Огньский, Мария Шимановская, Карлович, Кароль Шимановский, Сметана, Дворжак, Яначек, Новак. И каждая из этих работ — скрупулезное исследование, тщательный отбор и обобщение фактов, нередко впервые вводимых в обиход, отсечение домыслов.

Блеск трудов Бэлзы еще и в том, что написаны они широким поэтичным языком — русским языком во всей его мощи и красоте, языком, который кажется совсем другим по сравнению с тем усохшим набором слов, которым зачастую оперирует сегодняшний человек, полагающий, что он говорит по-русски. Мы справедливо негодуем на наше время, политическим и экономическим уродством низведшее человека до бесцветной невзрачности. И в этом мире суеты, бездуховности, серости мог рядом с нами быть блестящий ученый, владевший еще и латынью, английским, немецким, французским, итальянским, польским, чешским, — человек, для которого никакая иностранная книга или рукопись не была недоступна.

Генеральная тема творчества Игоря Бэлзы — славянские культуры. Этой огромной ветви мировой культуры он пел гимн всю свою жизнь. Его многочисленные труды о польской и чешской музыке стали энциклопедией, учебниками для музыкантов в нашей стране и за рубежом. Почетные доктораты древнего Карлова университета в Праге и Музыкальной ака-

демии им. Ф. Шопена в Варшаве — достойные награды российскому ученому.

Размах его творческих интересов часто выходил за пределы славянских границ, и тогда появлялись труды по культуре Италии, Франции, Германии, Австрии, Финляндии... Данте Алигьери как создатель «Божественной комедии», как «центральный человек мира» был для Бэлзы темой неиссякаемой. Им была создана и возглавлялась на протяжении трех десятилетий Дантовская комиссия Академии наук. Там изучались поэзия Данте и его трактаты, а результаты печатались в сборниках «Дантовские чтения», привлекая пристальное внимание мировой научной общности. В работах Игоря Федоровича о Данте присутствует не только анализ его наследия, но и сопоставление с последующими явлениями культуры. Таковы «Дантовские истоки «Мастера и Маргариты», «Дантовские отзвуки в «Медном всаднике», «Образ благороднейшей в романе Хемингуэя» и, наконец, «В поисках Беатриче» — работа, вышедшая в свет в 1993 году.

Труды Бэлзы о Данте и все прочие обладают редчайшей особенностью — объект исследования, как бы он ни был отдален от нас, с помощью ассоциаций, возможных только благодаря колоссальной эрудиции исследователя, приближается к нам, становится сегодняшним, понятным, нужным. Убежденно веря, что жизнь и творчество художника неразрывно связаны с исторической судьбой народа, Игорь Бэлза всегда досконально изучал историю страны. Он неизменно

вплетал исторические события в ткань своего повествования, и поэтому, например, в его многочисленных работах о Шопене говорится и об Июльской революции во Франции, и о реакции на нее царского правительства, о поведении поляков, особенно варшавян, о полицейском терроре и в связи с этим вынужденной эмиграции композитора.

Нельзя не сказать особо о тех трудах ученого-энциклопедиста, где знание музыки, литературы, театра, философии позволяло ему создавать необычные по оригинальности, подлинно синтетические труды: «Шекспир и русская музыка», «Партитуры Михаила Булгакова», «Э. Т. А. Гофман и романтический синтез искусств», «Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры».

Непостижимая эрудиция Игоря Бэлзы наполняет повествование фактами, датами, даже часами и минутами происходившего, а его работы, рассчитанные на массового читателя, украшает сверкающими подробностями о горящем камине или прошелестевшем кринолине, вводя в атмосферу эпохи. Скажем, можно было бы написать: «Она достала письма...». Но у Бэлзы читаем: «Она подошла к секретеру работы знаменитого Жакоба, мебельщика Наполеона, открыла тайник, подобный тому, который мэтр Жакоб изготовил когда-то для знаменитого секретера с бронзовыми канелюрами, украсившего рабочий кабинет императора, и достала письма». Такая насыщенность деталями делает исследование особенно увлекательным и поэтичным.

Не забудем, что Игорь Бэлза — воспитанник Киевской консерватории — был не только историком и теоретиком музыки, но также композитором, автором четырех симфоний и других симфонических, камерно-инструментальных, фортепианных и вокальных произведений, а также музыки к кинофильмам, включая знаменитый «Арсенал» А. Довженко.

В числе ранних произведений Игоря Федоровича — «Похоронный марш» на смерть Николая Гумилева и романсы на его тексты. Высоко ценя творчество Гумилева, Бэлза через всю жизнь пронес восторг перед этим поэтом. И на 88-м году жизни, прервав начатые было мемуары, стал писать книгу о Гумилеве, вкладывая в нее и впечатления от встреч с Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом и все накопленное за долгую жизнь. В один из последних дней декабря 1993 года он сказал жене: «Уже виден конец книги!». Но инфаркт свалил его, и в ночь на пятое января он присоединился к тем, чьи образы окружали его всю жизнь: Данте, Моцарту, Шопену, Пушкину, Мицкевичу, Булгакову, Гумилеву, оставив после себя сверкающую пирамиду томов о культуре, на которой начертано — теперь уже для вечности — ИГОРЬ БЕЛЗА.

Георгий АНСИМОВ,
профессор, народный артист СССР.